

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Калёновой Натальи Алексеевны «Когнитивно-прагматические механизмы фразеологической объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе» (Волгоград – 2015), представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

В современной когнитивно ориентированной лингвистике являются актуальными исследования, учитывающие человеческий фактор в языке в различных проявлениях. **Актуальность** рецензируемой докторской диссертации Н.А. Калёновой обусловлена тем, что, во-первых, исследуется отражение в языке человеческих эмоций, во-вторых – в такой сфере языка, как фразеология (по мнению многих исследователей, именно в фразеологии, «фразеологической языковой картине мира» антропологический фактор проявляется в наибольшей степени). В-третьих, данные явления рассматриваются в персональной, лично значимой и высокоэмоциональной межличностной коммуникации, где многие речевые и даже языковые единицы «творяются», – в эпистолярном жанре.

Научная новизна диссертации Н.А. Калёновой обусловлена тем, что впервые осуществлено комплексное лингвистическое, лингвокогнитивное, психолингвистическое и прагмалингвистическое исследование эмоциональной информации, транслируемой посредством ФЕ в ЧЭД, выявлены и проанализированы основные когнитивно-прагматические механизмы кодирования и декодирования данной эмоциональной информации.

Теоретическая значимость исследования обусловлена, прежде всего, тем, что Н.А. Калёновой разрабатывается и апробируется **модель** анализа фразеологической эмотивности, позволяющая выявить роль ФЕ в объективации эмоций и дополняющая наши знания как о ФЕ, так и о ЧЭД.

Автор пытается дать ответы на наиболее принципиальные вопросы: 1) в какой степени природа письма, как жанра речи, обуславливает / делает обязательной эмоциональностью?, 2) в какой степени эмоциональность текста письма обуславливает использование ФЕ?

Ответом на эти вопросы стало выделение Н.А. Калёновой трех типов лингвистической **системности** и «творящих» ее механизмов:

1) концептуализация эмоций в языковой картине мира (языковые и речевые лингвистические механизмы);

2) концептуализация эмоций в фразеологизмах и «фразеологической картине мира» (это преимущественно языковые механизмы);

3) концептуализация эмоций в эпистолярном речевом жанре (речевые и речужанровые лингвистические механизмы).

Достоверность результатов исследования Н.А. Калёновой обеспечивается:

1) адекватностью принимаемых **базовых теоретических представлений и единиц: частный эпистолярный дискурс (ЧЭД)**, определяемый как когнитивно-коммуникативное событие, производное от тезауруса языковой личности его автора, ориентированного в выборе языковых средств на эффективность трансляции эмоциональной информации для адресата (с.8-9);

ФЕ, которое в силу своего косвенно-производного характера способно транслировать больший по сравнению с единицей лексического уровня языка объём разнообразной информации, в т. ч. эмоциональной (с.38); **типология ФЕ**, объективирующих эмоции в ЧЭД: междометные; узуально эмотивные; эмотивные; контекстуально эмотивные; ФЕ, которые сами не являются эмотивными, но участвуют в объективации эмоций; окказиональные и преобразованные ФЕ (с.17-18);

2) эффективностью **методики** выявления ЭК значения ФЕ, разработанной автором на основе существующих методов (критический обзор в § 2.5): *метод словарных дефиниций* (он применим для анализа единиц, у которых ЭК лексикографически зафиксирован); *компонентный анализ* (разложение фразеологического значения на минимальные смысловые элементы и моделирование значения языковых единиц на различных основаниях); *метод модальной рамки* (по А. Вежбицкой); *классифицирование* (объединение в группы ФЕ, которые участвуют в объективации одних и тех же эмоциональных состояний); *психолингвистический эксперимент*;

3) представительностью **материала**: авторская картотека эпистолярных ФЕ насчитывает более 5000 фразеому употреблений из русских частных писем XIX–XXI вв., при этом берутся, с одной стороны, «талантливые языковые личности» (такие как С.А. Есенин, М.Е. Салтыков-Щедрин), с другой – «простые, неизвестные люди» (с.13). Анализ материала в большинстве случаев сомнений не вызывает.

На мой взгляд, наибольшую научную ценность составляют два тесно связанных друг с другом микроисследования аспектов ФЕ в ЧЭД: **когнитивно-прагматического** и **психолингвистического**. Этим аспектам посвящены, прежде всего, главы 3 и 4 диссертации.

• В **когнитивно-прагматическом** микроисследовании автор детально рассматривает основные элементы ЧЭД и их роль в когнитивно-прагматической модели ЧЭД: *текст* (основа ЧЭД); *информационное поле ЧЭД адресанта* (в которое входят: *концептосфера адресанта*; *коммуникативно-прагматические установки адресанта*; *представление адресанта о концептосфере адресата*); *иллокутивные силы* (обеспечивают трансляцию когнитивных сгущений, формирование информационного поля ЧЭД в концептосфере адресанта, механизм контроля (сс.183-193)).

Проанализированный материал позволяет автору сделать вывод, что **ФЕ дескриптивного характера** или не объективируют эмоции, или объективируют описываемые эмоции благодаря развитию контекстуальной эмотивности, или объективируют иные (не описываемые) эмоции контекстуально. Доказано, что в ЧЭД не задействована эмотивность *фонетического* уровня языка в её преломлении во фразеологии (с.122), кроме того, в ЧЭД очень редки *паремии* (например, в частном эпистолярии С.А. Есенина выявлено всего 10 паремий, многие из которых являются преобразованными: *Маши каслом не испортишь*, *Не так страшен чёрт, как его малютки* (сс.122-123)).

В главе 4 рассматривается роль приёмов структурно-семантических *трансформаций* ФЕ в трансляции эмоциональной информации в ЧЭД, а также роль языковой личности в трансформационных процессах фразеоминимации, выполняющей эмотивную функцию (§ 4.2.1). Когнитивной основой таких трансформаций считается процесс *выдвижения* – помещение на первый план языковой формы, которая выступает в качестве поискового «ключа» в процессах языковой обработки информации (с.248). С этой точки зрения рассматривается *языковая игра* – «намеренное обыгрывание свойств фразеологизма, его связей с контекстным окружением» (с.246).

Рассматриваются *интердискурсивные* факторы когнитивно-прагматических механизмов трансляции эмоциональной информации посредством ФЕ в ЧЭД (Глава 5). Автор исходит из того, что в интердискурсе осуществляется отражение «внешних по отношению к дискурсивной практике невербальных процессов, которые, выступая в качестве социокультурного и языкового контекста дискурсивных актов, обуславливают семантико-гештальтные характеристики последних» (с.295). (Правда, в теоретическом плане рассмотрение интердискурсивных факторов, думается, могло быть богаче и интереснее, если бы не ограничивалось одними *письмами с фронта* (войны 1812 г. и 1941–1945 гг.) и комплексом факторов, обеспечивающих их интредискурсивность, а в практическом – фактически только одной личностью Михаила Осиповича Меньшикова (идеолога «Всероссийского национального союза») (§ 5.2)).

• В центре внимания микроисследования **психолингвистического** аспекта совершенно оправданно оказывается *декодирование*. Для его анализа автор обращается к проблеме *восприятия информации*, объективированной средствами языка (одна из центральных проблем психолингвистики). Рассматривая место ФЕ в системе средств вербализации эмоций, автор делит взаимодействие ФЕ с другими единицами, служащими для объективации эмоций, на два уровня: фразеомообразования и функционирования ФЕ в речи (с.121), причем детально разбираются оба уровня. Анализу *невербальных* средств объективации эмоций в ЧЭД посвящен § 2.2.1.

Проблемам *понимания* посвящен § 3.3. Анализ трансляции эмоциональной информации в ЧЭД осуществляется с учетом возможных *нейрофизиологических* и *ассоциативных* механизмов, а также тесно связанных с ними механизмов *воображения* (с.221). В их трактовке автор идет за А.А. Залевской и М.Л. Макаровым: в центре внимания оказывается *инференция* – операция сознания, которая базируется на догадке, формируемой имеющимся опытом и интуицией человека (с.236-237).

Безусловно заслуживает внимания оригинальное **экспериментальное** микроисследование, посвященное восприятию эмотивности ФЕ современными носителями языка. В частности, установлена сильная, но синкретичная эмотивность междометных ФЕ (частотность ответов информантов типа: «*Высказывание выражает эмоцию, это точно, но какую, определить невозможно*» (с.126-127)).

• Наконец, дается **лексикографическое** описание есенинской эпистолярной фразеологии, показанной через призму когнитивно-прагматического анализа фразеологической эмотивности (§ 5.3): формулируются принципы построения «*Словаря эпистолярной фразеологии С.А. Есенина*»: словарная статья содержит указание на значение, зафиксированное в словаре, приводится ссылка на лексикографический источник, вводятся стилистические пометы (они помогают учитывать разнообразные семантические трансформации) (с.323). В некоторые статьи включены комментарии – сведения о возможных генетических лингвокультурных связях окказиональной единицы, о фактах жизни и творчества Есенина (интердискурсивный аспект словаря).

Рассматриваемая работа, несомненно, имеет **практическую** ценность: результаты исследования могут найти применение в преподавании курсов и спецкурсов по общему языкознанию, стилистике русского языка, когнитивно-дискурсивной лингвистике, теории речевых жанров, а также в практике преподавания РКИ и при изучении языка С.А. Есенина в учебном процессе соответствующих вузов.

Основное содержание работы с достаточной степенью полноты отражено в **опубликованных трудах ее автора** (их 62, включая 16 в изданиях, рекомендованных ВАК, две монографии и словарь), а также в автореферате.

Вопросы и замечания

1. Выше уже говорилось, что система принятых положений и определений в целом отличается стройностью, способствует выполнению поставленных задач. Однако должен отметить иногда недостаточную понятийную и терминологическую четкость, в частности, с трудом складываются в единую систему встречающиеся на разных страницах диссертации определения базовых понятий и единиц исследования, связь которых друг с другом, как представляется, не осмыслена настоящим образом: «*частное письмо как дискурс*» (с.12); «*письмо как речевое произведение*» (с.15 и 69); «*частное письмо <...> как явление русской лингвокультуры*» (с.15); «*Письмо – сложно устроенный коммуникативный сигнал*» (с.38), а также: «*эпистолярный жанр включает в свой состав...*» (с.27).

2. Возможно, некоторые противоречия при анализе материала проистекают из не вполне осмысленных в их отношении к выделяемым единицам и аспектам материала теоретических понятий и положений.

Отношу сюда, например, неразграничение Н.А. Калёновой **бытового и бытийного** жанров (по В.И. Карасику) внутри ЧЭД, каковое разграничение думается, релевантно для ее исследования: в бытовом дискурсе эмоциональность необязательна, в бытийном, возможно, обязательна, но в любом случае роль ее значительна и еще, к сожалению, не вполне ясна.

Это же касается необходимости более четкого разграничения **эмоциональности** и **эмотивности** (например, по Т.В. Лариной): эмоциональность – реальное психологическое состояние, переживаемое человеком, а эмотив-

ность – состояние, выражаемое участником общения через посредство принятых в той или иной национальной культуре кодов, предназначенное для того, чтобы произвести определенное впечатление на адресата речи. (Ср. суждения Н.А. Калёновой на сс.108, 129, 280.)

Трудно согласиться с предложением объяснять все разновидности ЧЭД через диаду «**фатика ~ информатика**», которая восходит к Т.Г. Винокур, но в современных исследованиях речевой коммуникации обычно дополняется третьей «социальной функцией языка» (по В.В. Виноградову), значимой для ЧЭД, но не учтенной Н.А. Калёновой, – **воздействием**.

Мне кажется, что Н.А. Калёнова преувеличивает значение для ЧЭД параметра «**близость отношений: семейные, дружеские, любовные**» (Полож.1; с.63; с.74): складывается впечатление, что она автоматически выводит гармоничные межличностные отношения между участниками ЧЭД из таких его структурных характеристик, как приватность, искренность, открытость и субъективность общения (с.43), а тем самым – по сути отрицает в ЧЭД существование конфликтов (!). По этой логике, вероятно, не должны быть отнесены к ЧЭД такие известные письма из классической литературы, как письмо отца Петра Гринёва в «Капитанской дочке», в котором он запрещает сыну жениться на Маше Мироновой, при этом не скупится на обвинения и оскорбления (и главная цель данного письма не фатическая и не информативная, а именно *воздействие*), или письмо, которое Коврин получает от своей жены Тани («Черный монах» Чехова): она заявляет, что *ненавидит* его и желает, *чтобы он поскорее погиб*. (Показательно, что Н.А. Калёнова сама признаёт: «В письме отражаются по большей части негативные эмоции» (с.105)).

3. Можно ли считать письмо явлением XXI века? В частности, как относится электронное письмо к традиционному «бумажному» письму, рассматриваемому автором? К сожалению, в диссертации есть лишь отдельные замечания о современных формах коммуникации (сс.76, 275). По мнению автора, определяющими для жанра письма являются: 1) бумажный носитель (включая конверт), 2) условия, когда никакие другие («более удобные») способы общения невозможны. В этом случае электронное письмо, конечно, вообще не письмо. Но в этой связи хочу предложить уважаемому диссертанту ответить на вопрос о таком современном виде коммуникации, как *скайп*: 1) почему пользователи иногда отказываются от целого ряда возможностей, предоставляемых скайпом (например, отключают видео), 2) почему часто по скайпу пишут текстовые сообщения (т.е. отказываются и от звука)?

4. **Стиль** изложения, в целом соответствующий требованиям, предъявляемым к научной прозе, иногда нарушается излишней, на мой взгляд, образностью (конечно, это впечатление субъективно): «*Ассоциативно, тонкими нитями психологической памяти письмо <...> вызывает в сознании читающего...*» (с.56); «*Индивидуальная картина мира – плацдарм поля, содержащего...*» (с.92); «*оркестр субъективных смыслов, окутывающих денотат*» (с.132); «*микрокосм, в котором, как в зеркале, отражены эпоха, сильная яркая личность, сама Россия в ее непростые времена*» (с.319).

5. Есть отдельные претензии к композиции текста диссертации. Так, хотелось бы, чтобы последовательность отдельных частей и абзацев текста соответствовала логике развития мысли автора, тогда как в ряде случаев такая логика не прослеживается, показателем чего являются такие «средства связи» частей текста (по сути ничего не связывающие), как: «Приведём ещё пример...» (с.109); «Рассмотрим ещё один фрагмент...» (с.166); «Далее обратимся к...» (с.162); «Далее речь пойдёт о...» (с.235); «Теперь обратимся к...» (с.180).

Высказанные вопросы и замечания имеют частный или дискуссионный характер, направлены на расширение круга обсуждаемых в диссертации проблем и не снижают общей высокой оценки, которую заслуживает рецензируемое диссертационное исследование.

В заключение подчеркнем, что докторская диссертация Н.А. Калёновой «Когнитивно-прагматические механизмы фразеологической объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе» – законченное самостоятельное исследование, содержащее оригинальное решение одной из наиболее важных и значительных проблем русистики, когнитивной семантики, теории дискурса, теории речевых жанров. Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Доктор филологических наук, профессор
кафедры теории, истории языка
и прикладной лингвистики
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образова-
ния «Саратовский национальный исследователь-
ский государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского»
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
(8452)-21-06-24, dementevvv@yandex.ru

Дементьев Вадим Викторович

Подпись Дементьева Вадима Викторовича
удостоверяю:
ученый секретарь

И.В. Федусенко

14.03.2016

Список научных трудов

официального оппонента В.В. Дементьева по теме диссертационного исследования Калёновой Натальи Алексеевны «Когнитивно-прагматические механизмы фразеологической объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

1. Дементьев В.В. Об одном способе концептуализации жанра «разговор по душам» в русской речи // Грани познания. 2011. – № 4 (14). – С. 86-89.
2. Дементьев В.В. Аспекты проблемы «Речевой жанр и языковая личность» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2011. – № 2. – С. 313-318.
3. Дементьев В.В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях: к дискуссии А.Д. Шмелева с А.В. Павловой и М.В. Безродным о «лингвонарциссизме» // Политическая лингвистика. Вып. 1(39). – Екатеринбург, 2012. – С. 11-16.
4. Дементьев В.В. Общение друзей в телесериале «Глухарь»: жанровая структура и идеологические доминанты // Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения: сб. докладов. – Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2012. – С. 126-138.
5. Дементьев В.В. Косвенные директивы и манипуляции в русской речи: национально-ценностный взгляд // Культура и текст. 2013. – № 2 (15). – С. 238-251.
6. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике / Монография. – М.: Глобал Ком, 2013. – 338 с. (Studia philologica).
7. Дементьев В.В. Об одной актуальной проблеме русской общественно-политической коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. – № 1 (1). – С. 12-44.
8. Dementyev V.V., Balashova L.V., Stepanova N.B., Baykulova A.N. Linguistic aspect of speech genres // Journal of Language and Literature. 2014. – Vol. 5. – No 4. – Pp. 288-291.
9. Дементьев В.В. Интертекстуальность и речевые жанры: вторичный текст как метафора реплики в диалоге и вторичный речевой жанр как метафора (Глава 4) // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. Коллективная монография / науч. ред.

Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. – М.: Флинта-Наука, 2014. – 352 с. – С. 96-124.

10. Дементьев В.В. Традиции эстетики любви и дружбы в русской речевой коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. – № 16. – С. 170-180.

11. Дементьев В.В. Актуальные проблемы непрямо́й коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013-го // Жанры речи. 2014. – № 1-2 (9-10). – С. 22-49.

12. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. – № 6. – С. 78-107.

13. Речежанровая картина современности (аспект непрямо́й коммуникации) // Русский язык сегодня. Вып. 6: Речевые жанры современного общения: сб. докладов / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН ; отв. ред. А.В. Занадворова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. – С. 62-73.

14. О методике представления речевой картины современности через посредство речевых жанров // Вестник Омского университета. 2015. – № 2 (76). – С. 189-194.

15. Структура заимствованных коммуникативных концептов (на материале анкетирования) // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В.Е. Гольдина / Отв. ред. О.Ю. Крючкова, Л.П. Крысин. – М.; Саратов: Амирит, 2015. – С. 201-211.

**Доктор филологических наук, профессор
кафедры теории, истории языка
и прикладной лингвистики
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
(8452)-21-06-24, dementevvv@yandex.ru**

Дементьев Вадим Викторович

**Подпись Дементьева Вадима Викторовича
удостоверяю:
ученый секретарь**

И.В. Федусенко

14.03.2016